

Петар Боянич

(Белград, Сербия)

ИНСТИТУЦИЯ И ЖИЗНЬ. К ПРЕДЕЛАМ БИОПОЛИТИКИ

Я склоняюсь к тому, чтобы термин «институция», который Роберто Эспозито (Roberto Esposito) в действительности использует редко, и который не является одним из его магистральных понятий (*impolitico, immunitas/communitas, biopolitica, impersonale*),¹ заменить термином «контр-институция» или даже термином «дисциплина».² Но прежде чем обратиться к основным проблемам биополитики, я хотел бы процитировать Жоржа Ренара (Georges Renard), а именно отрывок, находящийся в самом начале его первой лекции по теории институции.³ Ренар, являющийся одним из значительных правоведов и теоретиков институции во Франции, тем, кто продолжил институционализм Мориса Ориу (Maurice Hauriou), цитирует некоего китайского

¹ Роберто Эспозито рассматривает институцию или институциональный аппарат (*un apparato istituzionale*) в главе «Компенсация», где он анализирует «иммунную антропологию» и «производство негативности», а также подробно рассматривает работу Арнольда Гелена (здесь он упоминает и цитирует Мориса Ориу). См.: *Esposito R. Immunitas. Protezione e negazione della vita*. Torino: Einaudi, 2002. P. 93–134. Также он упоминает о том чувстве отвращения, которое у него вызывают автономия и институция, которое он выразил в начале своей книги «*Categorie dell'Impolitico*», где детально разбирает «*Antirömischer Affekt*» (Bologna: Il Mulino, 1988/1999. P. 38–48).

² Биополитика как дисциплина — это конструкция Эспозито, и он использует ее во время своей лекции «Что такое биополитика?» («*Che cos'è biopolitica?*») весной 2007 года в Милане (Università San Raffaele). Эти лекции были опубликованы через несколько месяцев на аудиодиске, прилагаемом к кн.: *Esposito R. Comunità e biopolitica* / ed. D. Calabro, G. Gorla. Udine: Mimesis, 2012.

³ Эти лекции были опубликованы в кн.: *Renard G. La théorie de l'institution. Essai d'ontologie juridique*. Paris, Sirey, 1930. Цитируемый отрывок находится на с. 31–32.

мыслителя. В этом тексте Ренар говорит, что он собирается уступить своеобразному лирическому сентиментализму, но что он принадлежит «экспериментальной психологии». В сочетании с предложениями Фомы Аквинского этот отрывок может обозначить первую ступень, приближающую к фундаментальному вопросу, с которого Ренар начинает свой цикл лекций, а именно: «Что такое институция»? Я повторяю сегодня эту цитату, спустя много лет, не только для иллюстрации моей не вполне определенной темы доклада, но скорее потому, что, как мне кажется, «момент биополитики» (или «утверждение биополитики»⁴) неявно присутствует у Ренара в модели или в конструкции того, что мы называем «институция». Потому что, помимо того факта, что институция предполагает постоянный процесс институционализации (*die Institutionalisierung*, как говорит Аксель Хоннет (Axel Honneth)), помимо этически обусловленного характера институциональных действий (нет институции без «*институциональной этики действий*

⁴ В последние годы Эспозито рассмотрел утверждающий характер биополитики. Эта характеристика означает, что политика будет продуктивной и новаторской, как и у Макиавелли, что эта политика станет производить жизнь, будучи продуктивным конфликтом, который не является саморазрушающим. См.: *Esposito R. La politica al presente // Impersonale. In dialogo con Roberto Esposito / ed. L. Bazzicalupo. Udine: Mimesis, 2008. P. 26 sq.* В беседе с Массимо Каччари в 1988 г., Эспозито пишет: «Макиавелли мыслил политику вне концептуальных схем политической философии настоящего и прошлого (*al di fuori degli schemi concettuali presenti e passati della filosofia politica*). И именно по этой причине он способен фундаментально рассматривать политику как конфликт, положив, таким образом, конец всей классической и современной (*modern*) богословско-политической традиции. Макиавелли мыслил власть, борьбу за власть, без всех предпосылок согласия, организации и гармонии, без каких-либо обязательств *reductio ad unum* (*fuori da ogni presupposto conciliativo, organicistico, armonico, fuori da ogni obbligo di reductio ad unum*)» (см.: *Politica e pensiero. M. Cacciari e R. Esposito // Leggere. Dicembre 1988 — gennaio 1989. No. 7. P. 16*). За последнее десятилетие — хотя он утверждает в предисловии ко второму изданию *Categorie dell'impolitico*, что он избрал своеобразную «*ontologia della relazione o dell'alterazione*» и теорию общества, основанную онтологически, — все же он заимствует идею онтологии присутствия у Фуко (*ontologia del presente*), которую он позже назовет также «*ontologia affermativa*». Тем не менее мы находим идею политики как присутствия в одной из ранних книг Эспозито, см.: *Esposito R. Vico e Rousseau. E il moderno stato borghese. Chap. «Presente e politica». Bari: De Donato, 1976. P. 91–95.*

(*Ethik institutionellen Handelns*)»⁵), институция, как я на этом настаиваю, защищает или сохраняет жизнь. Это может означать три вещи: что институция защищает индивидуальную жизнь или индивидуальные жизни; что она защищает жизнь всех; и еще — что она защищает жизнь как таковую. Точнее, институция защищает именно то, что может потенциально уничтожить ее, то, что ей сопротивляется, или то, что постоянно противостоит ей (именно поэтому Жак Деррида в одном из своих последних текстов не называет институцию и контр-институцию — термины Сен-Симона⁶ — без упоминания о доинституциональном пространстве). Итак, если мы представляем первый акт или первый институциональный жест (действия или акты здесь рассматриваются как институциональные), тогда то, что обычно именуют системой долга и обязанностей (поскольку эти действия составляют целостность того, что живет и действует вместе), является определенным способом взаимодействия. Кажется, что индивиды или индивидуальные жизни инкорпорируются и переходят в новую юридическую или псевдо-юридическую сущность, которую мы обычно называем личностью (*personne*). Эта сущность или юридическая идентичность, то есть персона, обладает силой, превосходящей власть отдельных людей (что является изначальным для всех, и для Фуко, и для Джона Сёрла (*John Searle*), который в своей последней книге подробно рассматривает понимание власти у Фуко), но также является конкурентной, поскольку корпорация или компания как форма учреждения ограничивает ответственность индивидов;⁷ но прежде всего эта юридическая сущность (*persona*, как Эспозито⁸ называет ее) должна

⁵ Статья «Institution» в: *Staats Lexikon*. Bd 3. S. 99–109 (Wolfgang Lipp, Hasso Hofmann, Christoph Hubig).

⁶ *Derrida J.* Le modèle philosophique d'une 'contre-institution' // *SIECLE. Colloque de Cerisy*. Paris: IMEC, 2005. «В результате [исторического прошлого] англичане одновременно подчиняются двум различным типам общественных организаций. По всем направлениям у них в наличии двойные институции, а не установленные контр-институции, которые действовали у них до революции и которые они сохранили в значительной степени». См.: *Œuvres Choisies de C.-H. de Saint-Simon*. Vol. 3. P. 131.

⁷ Не будем забывать, что в Англии инкорпорированность всегда связана с взаимодействием с *другим* под началом борьбы за прибыль.

⁸ См.: *Esposito R.* Il dispositivo della persona // *Esposito R.* De. *Lamacchina della teologia politica e il posto del pensiero*. Torino: Einaudi, 2013. P. 92–148.

защищать, порождать или восстанавливать жизнь. Ренар, близкий здесь к Эспозито или Агамбену, сразу обнаруживает проблему, связанную с жизнью (но с моей жизнью, с жизнью персональной).

Вот эти слова Ренара, точнее слова, которые он цитирует из анонимного мыслителя:

Я люблю жизнь, но я также люблю своих (*les miens*); своих, чья кровь течет в моих венах; своих, чья душа расширилась до аромата родной земли; своих, кто носит гордость тех же воспоминаний и тех же надежд; своих, которые со мной не что иное, как одно духовное тело. *Я один из них*, и во мне есть что-то от них. Я люблю жизнь, но моя жизнь включена в жизнь своих. Я люблю жизнь, но я также люблю свою семью, мою родину, цивилизацию, к которой я принадлежу, Церковь, которая поддерживает лучшее в моей душе; и если я не смогу удержать всё сразу, я пожертвую своей жизнью, и я сохраню общее благо (*Bien commun*), которое ценнее, чем моя жизнь.

В этом тексте Ренар не раскрывает оснований (перевод является полностью теологическим, речь идет о «Церкви», которая меня интересует здесь лишь отчасти, и которая подразумевает ценность, выбор и цель). В любом случае, этот текст, как мне кажется, указывает на скрытую проблему, лежащую между жизнью и общим достоинством (согласно Ренару, Общее Благо является синонимом институции). Если сегодня и относительно легко показать, что термин «жизнь», как он здесь появляется, не принадлежит регистру биополитики⁹ (достаточно указать на то, что рассказчик манипулирует или инструментализует свою жизнь, что он отделяет ее от группы и, если хотите, не защищает ее или не утверждает ее достаточным образом¹⁰), тем не менее,

⁹ Здесь следовало бы проверить различие между *zoe* и *bios* (дистинкция, ставшая актуальной благодаря Агамбену, но также и благодаря Фуко). Точно так же было бы интересно рассмотреть в этой связи работы Шелера, «*Metaphysik des Lebens*» Зиммеля и «метафизику живого» и «биофилософию» Плесснера (*Die Stufen des Organischen und der Mensch*, 1928), чтобы понять, подразумевают ли они политику, которая входит в рамки биополитики. Например, в «*Die Philosophie des Lebens*» Генриха Риккерта можно найти следующую формулировку: «*So muss da biologisch-politische Ideal demokratisch sein*» (Tübingen: Mohr Verlag, 1920. S. 82).

¹⁰ В *Categorie dell'impolitico*, в анализе текстов Романо Гвардини, Эспозито указывает, что для установления сообщества (*la constitution de la communauté*) жертва является решающей (p. 27 sq.).

мне кажется, что тематизация отношений между институцией и жизнью может обозначить чистую границу биополитики как дисциплины (согласно формулам, используемым Роберто Эспозито в последние годы). Это отношение, которое является неопределенным и сложным, поскольку оно переплетается с отношением между законом (или нормой) и жизнью, может быть, на мой взгляд, источником двух проблем. Я сформулирую их предварительно. Я вернусь к деконструкции того, что Эспозито (это слово он использует очень часто) предпосылает личности (*la personne*) и называет «институцией». Две проблемы, которые я здесь формулирую, относятся к Мишелю Фуко.¹¹

Первая проблема, которую я хотел бы упомянуть, относится к теории институции Фуко, которая предполагает, на мой взгляд, две вещи: во-первых, теоретизация института и оппозиция институциям проявляются у Фуко в начале 1970-х годов, когда он впервые упоминает биополитику, в разработке биополитического вопроса (появление биополитики подразумевает антиинституционализм,¹² а затем этот

¹¹ По многим моментам Эспозито критикует Фуко, ясно показывая, что источники его биополитической теории и его концепции жизни полностью отличаются от источников Фуко. Эспозито считает, что Фуко, по существу, иначе думал о жизни и политике (см.: *Esposito R. Dall'impolitico all'impersonale: conversazioni filosofiche* / ed. M. Saidel, G. V. Arias. Udine: Mimesis, 2012. P. 60). С другой стороны, вопрос итальянской философии (*laboratorio della filosofia moderna*), над которым он работал в последние годы, помогает Эспозито продемонстрировать, что исток биополитики находится у Бруно в его понимании жизни универсума, а также у Макиавелли («*vivere libero*» или «*una repubblica ha maggior vita*») (см.: *Esposito R. Pensiero vivente. Origine e attualità della filosofia italiana*. Torino: Einaudi, 2010. P. 51). «В самом сердце итальянской философии нет индивидуального, но есть мир коммунитарный в его непреодолимой жизненной силе (*inesauribile potenza vitale*)» (Ibid. P. 251). В самом начале своей книги «*Ordine et conflitto*» (Napoli: Liguori Editore, 1984) на с. 15 Эспозито цитирует *Defensor Pacis* Марсилье из Падуи: «Поскольку мы определили смысл существования города, который должен жить и жить хорошо (*che be vivere e il ben vivere*), мы будем иметь дело с проживанием и его модусами (*del vivere e dei suoi modi*)» (см.: *Esposito R. Dall'impolitico all'impersonale: conversazioni filosofiche*. P. 114).

¹² В 1973 году, во время курса «Психиатрической власти», Фуко настаивает: «Будем анти-институционалистами!». В «Воле к знанию» биополитика появляется в тот момент, когда Фуко упоминает слово «институция». В 1971 году во время дискуссии с Хомским, когда речь заходит о семье и государстве, Фуко говорит: «Мне кажется, что в таком обществе, как наше, реальная политическая задача — критиковать игру, казалось бы, нейтральных и независимых институций; критиковать

антиинституционализм (поскольку Фуко является максималистом, институциональным фундаменталистом или трансцендентальным институционалистом, как сказала Амартия Сен (Sen), он не знает идеи «хорошей» институции), что совершенно нетипично для французской традиции. И это касается не только французских институционалистов и правоведов Ренара и Ориу (Hauriou), или традиции Французской революции и Робеспьера («все, что не институционализировано, является вражеским и, по сути, является антиреволюционным»); но также, к примеру, по отношению к Жилью Делезу, который интересуется генеалогией институций, точнее, одной из разновидностей «биологического институционализма», опирающегося на антиподы Фуко и свидетельствующей о доверии к институции, что противопоставляет ее контрактуализму.

Вторая проблема. Фуко никогда не теоретизировал по поводу биополитики.¹³ Он, скорее, вел предварительный анализ (он сам говорит в лекции от 7 марта 1979 года, что его анализ немецкого неолитерализма занял у него бесконечное количество времени).¹⁴ Но что в действительности нас вводит в биополитику? Я считаю, что возможно показать, что это — именно анализ институции, и что интенция Фуко — «исследовать либерализм как основную рамку биополитики», трансформировать биополитику, прежде всего, в критический инструмент либеральной институции. Решающий момент обнаруживается в рамках

и нападать на них таким образом, чтобы политическое насилие, которое было неявным образом проявлено в них, было разоблачено, и чтобы мы могли бороться с ними» (*Foucault M., Chomsky N. De la nature humaine, justice et contre pouvoir*. Paris: L'Herne, 2007. P. 69). См. также русский перевод этого отрывка: Фуко М. О природе человека. Справедливость против власти // Интеллектуалы и власть (Избранные политические статьи, выступления и интервью). Ч. 1. М., 2002. — прим. пер.

¹³ И наоборот, эта задача была сформулирована перед публикацией семинаров Фуко о биополитике в кн.: *Esposito R. de Bios. Bipolitica e filosofia*. Torino: Einaudi, 2004. В первой главе книги «L'enigma della biopolitica» Эспозито отстраняется от всех традиций, кроме традиции Фуко, к началу которой и может быть отнесено формирование биополитики. Некий Морли Робертс написал в Лондоне вначале 1938 г. книгу, озаглавленную именно так.

¹⁴ *Foucault M. Naissance de la biopolitique (1978–1979)*. Paris: Gallimard; Seuil, 2004. P. 191.

курса 1974 года «Истина и юридические формы».¹⁵ Фуко в нем описывает некоторые функции, которые осуществляют институции.

Вторая функция институций больше не состоит в контроле времени индивидов, а только в контроле над их телами. Есть нечто чрезвычайно любопытное в самих институциях. Это то, что они, будучи, очевидно, специализированными, — заводы, созданные, чтобы производить; больницы, психиатрические или нет, — чтобы врачевать; школы, чтобы учить; и тюрьмы, чтобы наказывать, — включают в себя общую дисциплину существования, которая далеко выходит за рамки их четко очерченных целей.

Мое предложение и изначальная интенция — вспомнить об институции у Роберто Эспозито, возвратиться к его намерению (к его реконструкции правовых отношений, нормы и жизни) изолировать моменты-ключи, которые составляют «примитивную сцену» институции или институционализации (довод, ради которого я цитировал текст Ренара), — очевидно, не могли бы существовать без этих пометок Фуко. Таким образом, мне представляется, что только теперь может быть доказано присутствие Фуко в проекте Роберто Эспозито в той или иной мере (если я правильно понимаю все сомнения, в том числе и те, которые Эспозито сформулировал в последние годы по поводу Фуко).¹⁶ Термины, используемые в названии моего доклада, — институция, контр-институция или дисциплина, или вне-институция

¹⁵ Foucault M. *Dits et Ecrits*. Vol. 2. Paris: Gallimard, 1994. P. 148.

¹⁶ В эти последние годы — особенно, несомненно, в тот момент, когда он работал над теоретизацией итальянской философии, Эспозито демонстрирует также оговорки в отношении Деррида (в дискуссии с Жаном-Люком Нанси) (см.: Esposito/Nancy Dialogue (2001) // The Minnesota Review. 2010. No. 75. P. 77–87). Было бы очень интересным исследовать сопротивление Эспозито критике биополитики Деррида. В действительности, Эспозито довольно часто демонстрирует свое несогласие с «брутальной критикой», которой Деррида подвергает Агамбена в своем последнем семинаре (и, конкретно в том чтении, в котором Деррида обращается к интерпретации Агамбеном Аристотеля) (см.: Derrida J. *La bête et le souverain* // Derrida J. Séminaire 2001–2002. Vol. 1. Séance 12, 20 Mars 2002. Paris: Galilée, 2008. P. 407–443). Я думаю, что только одна особенность заслуживает внимания: почему Деррида посвящает столько времени и внимания этой детали — к тому же он неоднократно извиняется, что посвятил столько времени этого семинара Агамбену. Критика, предпринятая им, кажется мне не столь проблематичной, а также менее оригинальной.

(*il fuori*)¹⁷ — вновь возникают в смысле интенций Фуко: де-институционализация, критика институций как фундаментальная задача биополитики. В то же время реконструкция процесса институционализации не должна касаться реальной защиты конкретной жизни только с одной стороны — «*la vita come vita*», «*il corpo, in quanto tale è sempre organico*», «*io lavoro nella prospettiva di abolire questa differenza tra corpo e persona*», «*io sono un corpo*», «*persona corporea e concreta*»¹⁸ (я считаю, что было бы невероятно сложно теперь говорить о «реализме» или, точнее, об институциональном реализме Эспозито); защита тем более не должна стремиться только к защите жизни перед лицом институций как таковых (защита жизни перед лицом норм или перед лицом философии).¹⁹ Потому что де-институционализация включает в себя

¹⁷ «Il fuori» — это название главы книги *Terza persona. Politica della vita e filosofia dell'impersonale* (Torino: Einaudi, 2007, p. 163–173), в которой Эспозито, обсуждая разницу между «esteriorità» и «fuori» (G. Deleuze «Foucault») и исследуя «il fuori assoluto», «il fuori del fuori» или «il dentro del fuori», пытается связать то, что вне личности (*persona*), с категорией жизни, с понятиями «*il fuori della persona*» или «*non persona*». После этих первых текстов, опубликованных в журнале *Centauro* и вплоть до последних, Эспозито настаивает на своеобразном выходе к привычным дуальным схемам. В одной из своих первых книг «*Il sistema dell'in/differenza. Moravia e il fascismo*» (Bari: Dedalo libri, 1978), прочтение, которое Эспозито дает книге «*Gli indifferenti*», показывает попытку сгладить противостоящие друг другу различия. В последнем тексте, опубликованном в журнале *Micromega* (1/2013), «*Teologica politica e teologia economica*» Эспозито ищет в этой манере новую перспективу.

¹⁸ *Esposito R., Rodotà S. La maschera della persona // Impersonale. In dialogo con Roberto Esposito / ed. L. Bazzicalupo. P. 183; Esposito R. Dall'impolitico all'impersonale: conversazioni filosofiche. P. 61–62.*

¹⁹ Например, биополитическая дисциплина должна защищать жизнь от биоэтики. Эспозито часто возвращается к своей критике Петера Зингера (Peter Singer) (см.: *Esposito R., Rodotà S. La maschera della persona... P. 179; Esposito R. Per una filosofia dell'impersonale // Termini della politica. Comunità, immunità, biopolitica. Udine: Mimesis, 2008. P. 188–189 (tr. fr. Agenda, n. 11, Automne, 2008: 17–30).* В неопубликованном курсе 1966 года «Нормы и нормальное», в главе «Суждение, ценность и жизнь», Кангилем (Canguilhem) пишет: «Философия может быть только вторичной по отношению к жизни» (ср.: *Le Blanc G. Canguilhem et les norms. Paris: PUF, 1998. P. 18).* В двух коротких текстах 1996 года — «Норма и ее неопределенность» и «Норма должна исчезнуть» — Деррида объясняет парадокс, согласно которому условие существования свободы и ответственности — не-существование или отсутствие норм (ср.: *Le génome et son double / ed. G. Huber. Paris: Hermes, 1996. P. 143–146.*

в то же время новые институты, приходящие на смену, и способные действительно установить новую защиту жизни.²⁰

Эти появляющиеся новые институты и есть то, что анонсирует Ренар, когда цитирует текст, которым вдохновляется, и который в полной мере мог бы установить некую модель биополитического проекта, например, принадлежащую Эспозито. В начале текста Ренара первое лицо («я люблю жизнь», «я люблю своё») и присутствие тела (кровь, мои вены) незаметно трансформируется в третье лицо, в ритме смешения моей жизни и жизни «своих» (или других).

«Свои» присутствуют со мной только в одном духовном теле. Я есть один из них, и в них есть что-то от меня. Я люблю жизнь, но моя жизнь вплетена в жизнь моих близких.

Я уже указывал, что институт Церкви меня интересует совершенно особенным образом, поскольку, совершенно очевидно, что это не какой-нибудь китайский мыслитель упоминает ее сам-по-себе, но, возможно, речь идет о Ренаре (в период, когда Ренар читал лекции об институте, его жена умерла, и он сразу же удалился в монастырь).

Церковь, которая держит лучшее в моей душе: и если бы я не смог удержать и то, и другое одновременно, я бы посвятил свою жизнь и сохранил бы ее в Общем благе, которое более ценно, чем моя жизнь.

Мне кажется, что одно интересное отличие между двумя моделями или между двумя формами, которые включает в себя институт, различие, постоянно тематизируемое в каноническом праве, могло бы осветить конфликт между фиктивным (или ирреальным) и реальным в самом праве (в онтологии личности). Sinibaldo de Fieschi (Sinibaldus de Flisco, Папа Иннокений IV), великий канонист, в XII веке был первым, кто распознал в институте Церкви новый тип юридической личности (*persona giuridica* для него является *persona ficta*). Впоследствии Церковь как институт будет разделена, с одной стороны, на корпорацию (*corporatio*), т. е. на юридическую личность, субстрат

²⁰ Власть института состоит именно в защите жизни или в «обуздании» (ср.: *Esposito R. Immunitas. Protezione e negazione della vita. Chapitre 2 «Kathéchon». 2 «Il freno». P. 62–93.*

которой — общность всех (*collegium*), цель которой — общее благо, единение всех сил и сущностей всех, и, с другой стороны, на учреждение (*fondatio*), которое рождается как разновидность трансцендентного творящего акта (в любом случае, речь идет о власти, *voluntas Superioris*). Тогда как корпорация действует от имени всех, учреждение действует от имени воли власти, предшествующей его появлению (рождению), и органы этого учреждения могут лишь осуществлять эту волю. Позднее мы обнаружим контуры этого различия между *corporatio* и *fondatio* в споре Гоббса и Юма вокруг интерпретации *institutio*, и это различие вплоть до наших дней оказывается связанным с концептом мистического тела (*corpus mysticum*) или тела Христа (*corpus Christi*)²¹, или с концептом «духовного тела» Ренара.

Теперь мы можем бросить взгляд назад, на интенцию юриста Ренара, но было бы чрезвычайно интересным проследить вместе с ним и другими теологами институции, каким образом стирается этот фиктивный протокол, разрушающий жизнь индивидуумов («я посвятил бы свою жизнь»), каким образом возрождается исконный смысл корпорации и как Общее благо (институция, норма) в конечном счете защитит мою жизнь. Роберто Эспозито сформулировал это следующим образом:

Когда я говорю о живущей личности (*persona vivente*) или о третьей личности (*terza persona*), мое намерение не состоит в том, чтобы совершенно противопоставить себя категории личности. Когда я говорю «живущая личность», я, скорее, делаю отсылку к тому измерению, в котором личность неотделима от своей собственной живущей материи (*propria materia vivente*), в котором она присутствует в полной мере, но в котором есть также и неотделимый синолон (*un sinolo*) тела и духа, внешности и внутренности. В этом случае субъект в конечном счете оказывается нормой для самого себя, независимым от какой-либо внешней трансценденции (*in questo caso il soggetto sarebbe finalmente norma rispetto a se steso e non dipenderebbe da alcuna istanza transcendentale esterna*).²²

²¹ Ср.: Caron P. Il concetto di 'institutio' nel diritto della chiesa // Il diritto ecclesiastico. 1959. No. 70. P. 330–335.

²² Esposito R., Rodotà S. La maschera della persona... P. 145.

А. П. Козырев

(Москва, Россия)

СОБЫТИЕ ВСТРЕЧИ

К 70-летию Алексея Алексеевича Грякалова

«С некоторыми из нас могла бы произойти та или иная встреча, которая разбила бы рамки этой персональной эгоцентрической топографии; я знаю по опыту, что случайно встреченный незнакомец, просящий помощи, может перевернуть все планы; то, что казалось близким, становится бесконечно далеким, и наоборот», — запишет в «Метафизическом дневнике» 11 марта 1931 года Габриэль Марсель.¹ Таких встреч в нашей жизни бывает немного, но если принять метафору «жизненного пути», то очевидно, что смысл ему придает не финальная точка прибытия, но те «остановки в пути» (особое время внутри космического, объективного времени), или те «вехи», которые мы можем назвать встречами. Этимологический словарь сообщает нам, что болгарское слово «среща», равно как и сербохорватское «срећа» означают «счастье». Устойчива в русском языке фразеологема «судьбоносная встреча», когда же происходит нежелательное или драматическое расставание, то поминают «судьбу-разлучницу», добавляя подчас — «судьба — злодейка». «Первая встреча, последняя встреча... тихого голоса звуки любимые», — слова из стихотворения в прозе, написанного И. С. Тургеневым на прощание с одной из трех прямухинских сестер Татьяной Бакуниной, сестрой творческого разрушителя революционера Мишеля Бакунина, стали камертоном для работы памяти, а иногда и осенним эпитафием в жизни каждого,

¹ *Марсель Г.* Метафизический дневник. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/marselj-gabrielj/bitj-i-imetj>